

M

27
52

О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

РАЗСУЖДЕНИЕ

НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ,

КАНДИДАТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

Иосифа Бодянского.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи предспавлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Мая 7 дня 1837
года.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

2007056710

О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ СЛАВЯНЪ.

Die Naturpoesie ist wohl bei keinem Volke mehr zu Hause, als bei den Slawen.

P. J. Schaffarik.

Въ наше время всеобщаго стремленія къ самобытности и самостоятельности, въ почти народы, особенно, Европейцы, хотяшъ жишъ жизнию, въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащею, вытекающею изъ собственныхъ ихъ нѣдръ, слагающеюся изъ совокупности всѣхъ спихій человѣческаго бытія, коими навсегда уснанавливается физіономія народа, рѣзко и мѣшко опличающая его отъ его сосѣдей и прочихъ народовъ; короче, хотяшъ бышъ независимыми, истинно народными. Понятія народовъ объ этомъ предметѣ уяснились и получили большую определенность. Искушенные вѣковыми опытами, они уже болѣе не навязываютъ себѣ съ такой младенческой вѣрой чужихъ мыслей, чувствованій и усавовъ, хотя бы и лучшихъ ихъ собственныхъ, не испытывавъ напередъ тщательнаго, шочно ли все это лучшее — лучше ихъ роднаго; а если и такъ, идетъ ли имъ къ лицу, можетъ ли бышъ перенесено безъ

ущерба своему, примется ли успѣшно на чужой почвѣ, подъ другимъ небомъ, также ли благодѣтельны будутъ его плоды, согласно ли, наконецъ, оно съ элементами народнаго бытія? Нынѣ всѣ твердо убѣждены, и убѣждены основательно, что не все чужое хорошее — равно хорошо для всѣхъ, не всегда можно его заимствовать у другихъ простымъ перенесеніемъ, но что при усвоеніи чужаго должно обращать вниманіе на безчисленное множество условий, если хотимъ, чтобы оно столько же было спасительно и у насъ, сколько въ мѣстѣ своего перваго явленія. И потому изъ чужаго лучшаго перенимаютъ то только, что безъ насилія прививается, усваивается, обращается въ родное; въ противномъ случаѣ его или вовсе оставляютъ, какъ ненужное, безъ коего можно обойтись, ничего существенно черезъ то не теряя, или переносятъ не вполнѣ, а лишь часть, передѣлавъ по своимъ требованіямъ и принаровивъ къ своимъ нуждамъ, или же, водясь даннымъ примѣромъ, вымышляютъ сами себѣ подобное иноземному, но болѣе согласующееся съ своею самобытною жизнью, своимъ личнымъ, природнымъ характеромъ. Прошла уже пора соблазнительныхъ идей космополитизма; народы Европы перестали рабски копировать одинъ другаго или перекраивать себя по какому-нибудь образцу, признанному безусловно изящнымъ, видѣть въ немъ верхъ совершенства; прошла уже пора обезьянства. Нынѣ, въ настоящее время какъ всякое недѣлимое человѣческаго рода, такъ и всякій народъ хочетъ оставаться шѣмъ, чѣмъ онъ есть, чѣмъ онъ можетъ

сдѣлашься, чѣмъ суждено ему Провидѣніемъ означить себя на поприщѣ міра въ ряду своихъ собратій, хочешь бышь собой, живешь своею коренною жизнью, мыслишь своею головою, чувствовашь своимъ сердцемъ, желашь своею волей, дѣйствовашь самъ собой, непосредственно, и, такъ об., живешь всѣми силами своего бытія, сдѣлашься вполнѣ *народнымъ*. Народность нимало не препятствуетъ совершенствовашь себя какъ каждому недѣлимому, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе человѣческой природы вездѣ возможно: оно условливается просвѣщеніемъ, образованіемъ, и только ими доспигается; а просвѣщеніе гдѣ угодно уживается. Для него нѣтъ разности климата: оно возможно вездѣ, поладишь со всякою народностью, пошому что оно не только не испровергаетъ ее, напротивъ помогаетъ ей еще успѣшнѣе развиваться, направляетъ дальнѣйшіе ея шаги, указываетъ вѣрный, возможно ближайшій, путь, охраняетъ отъ порчи и паденія, очищаетъ, просвѣтляетъ, совершенствуетъ. Одно лишь худо понятное или и вовсе ложное просвѣщеніе стѣсняетъ и давитъ, гонитъ и истребляетъ народность. Не ужели просвѣщеніе необходимо требуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ опшѣнковъ, требуетъ уровня безцвѣтности? Кто менѣе образованъ: спрастно ли привязанный къ идеализму Нѣмецъ, суевливый Французъ, или расчетливый Англичанинъ? И, однако же, родная фizioномія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственныя должности, опшичающихся преимущественно своимъ просвѣщен-

ніємъ, такъ и въ людяхъ, сполящихъ на низшей ступени общества, и ни вельможа, ни поденьщикъ, ни Лордъ, Перъ, Герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушающагося собой, не отвергающаго себя.

- ✓ Конечно, не было еще народа, который бы изъ первоначальнаго возраста своей жизни, дикоспи, выходилъ самъ собою, точно какъ всякой человекъ доспигаеетъ полнаго развитія своихъ способностей, полнаго образованія, только при помощи другихъ. Получивъ съ рожденіемъ душу, отверсшую къ разумнію и совершенствованію, первыя начала образованія человекъ заимсвуетъ чрезъ наученіе говоришь и, так. обр., съ словами принимаетъ въ себя первыя понятія — зародышъ будущаго развитія умсвственныхъ силъ, далѣе чрезъ наученіе нѣкошорымъ дѣйсвіямъ для удовлетворенія жишейскимъ требованіямъ: вошъ начальная школа первичнаго образованія каждаго человека. Точно такъ и народъ: онъ всегда къ высшей образованности былъ выводимъ другимъ народомъ, прежде его образовавшимся: сначала довольсвуется, обыкновенно, только своимъ руководителемъ; но умъ человѣческій по своей природѣ не можеетъ вѣчно довольсвоваться простымъ принятіемъ чужаго, чужими понятіями, истинами, опытносью, устройсвомъ своей жизни по образцу жизни другаго. Наступаетъ время, когда, сознавая свою мощъ и самоспоятельность, горитъ желаніемъ шворишь самобытно, создаватъ собсвственный міръ понятій, и ш. д., житъ независимо, своею удѣльною жизнью. Эшого времени не минуетъ, рано или поздно, ни человекъ, ни народъ, если

только Судьбы опредѣлили ему не *прозябать* весь свой вѣкъ, а совершивъ полный кругъ своего бытія. Тогда народъ, управляемый опчепливимъ самосознаніемъ, хоша и не покидаешъ вовсе своихъ сосѣдей, болѣе просвѣщенныхъ, но уже сообщается съ ними не для простаго подражанія имъ, не для расположенія своихъ дѣйствій по ихъ дѣйствіямъ, не для того, чшобы поровняшся съ ними, но чшобы слѣдить ихъ своимъ умомъ, наблюдашъ, понимашъ ихъ хорошее, лучшее, спарашся собственное свое, родное, возвеси до равной степени и, даже, пойди далѣе, возвысись, спашъ съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развитіемъ спихій своенародныхъ. Слѣдовашельно, любовь къ своему, родному, въ такомъ случаѣ, такъ понимаемая, есть настоящій ключъ къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни живой, плодоносной, самоспоятельной, своеобразной, своевременной, спеспихійной, всеспоронной, полной, вѣчноюной. Вошъ въ чемъ заключается прочная самобытность народовъ!

При такомъ повсемѣспномъ спремленіи къ народности, и Словесность, какъ выраженіе общесства, спѣшивъ оправдашъ свое назначеніе, бышъ вѣрнымъ и правдивымъ зеркаломъ жизни народовъ, направляясь какъ можно ближе къ спихіямъ, условливающимъ бышіе ихъ, и всѣми мѣрами опражая въ себѣ духъ народный въ чистѣйшемъ, безпримѣсномъ видѣ. Жизнь народа имѣешъ свою особенную физиономію, слагающуюся изъ его физическихъ и душевныхъ свойствъ. Когда народъ развиваешъ въ своемъ суще-

створеніи свою личность, свою особенность, онъ живетъ самобытно, своеобразно, народно, выражаетъ своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществитъ своею жизнью. Эпическая идея, проявленіе всей своеобразной жизни народа, уславливаемая его религіей, философіей, нравами, обычаями, исторіей, мѣстностью страны и ея свойствами, вѣрованіемъ, языкомъ, безчисленными житейскими условіями, и. п., ни въ чемъ такъ ярко, сильно, чисто, прочно и совершенно не выражается, какъ въ Словесности. И потому Словесность, будучи отраженіемъ стихій, составляющихъ бытіе народа, непременно должна быть народною. Разумѣется, Словесность для этого не должна рабски списывать свой народъ, ограничиваться одними внѣшними формами его жизни, низшими слоями общества, просономъ, хотя и просой быть нечужды прелести, своего изящества, своей поэзии. Въ природѣ нѣтъ предмета, который бы былъ положительно худъ, на который бы нельзя было взглянуть съ поэтической точки зрѣнія, потому что вселенная, какъ твореніе совершеннѣйшаго Существа, должна быть также совершенна. Точно, много утратила она своего изящества послѣ паденія человека, поставленнаго ей въ царя, но все же не вовсе лишилась своего совершенства, какъ и эпоха послѣдній.

✓ Главное — уловить это изящество, провидѣть его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Потому и голая, черная сторона жизни народа, если взглянуть на нея съ этой точки, пройдши черезъ горнило поэтического вдохновенія, можетъ возвы-

силься до степени изящества. Такою-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна отражать въ себя Словесность каждого народа.

Отсюда и Поэзия, какъ цвѣтъ, вершина слова, вѣнецъ Словесности народа, непременно должна быть, также, въ высочайшей степени народной.

Народность нимало не препятствуетъ ей оставаться вѣрною идеѣ изящества, быть настоящею, изящною Поэзіей. Истинная Поэзия не можетъ быть не народною. Она есть выраженіе духа человѣческаго во всѣхъ его проявленіяхъ, не просто вымыселъ безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному міру, сухое, голое ошвлеченіе, не рабское изображеніе дѣйствительности; напротивъ она есть спожайшее сочешаніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ, вѣрнѣйшее осуществленіе идеи изящнаго въ прекраснѣйшей, приличнѣйшей ей формѣ, такъ сказать ея ошвлеченіе; она — шворчество по глубокому разумѣнію силы внутренняго съ внѣшнимъ его образомъ, шворчество по идеаламъ, ошъ вѣка существующимъ, присущимъ всѣмъ временамъ и народамъ, гармоническое соединеніе духа и матеріи. Она истинное изображеніе жизни въ ея дѣйствительности, жизни, коей всякое бѣненіе уловлено, схвачено внутренній, настоящий смыслъ каждой ея части, проявлено въ формахъ, вполне ее выражающихъ, безъ педантизма, мѣлкой точности въ частности, легко добавляемыхъ при полной передачѣ главнаго, существеннаго. Но родъ человѣческій слагается изъ народовъ, изъ коихъ всякой имѣетъ свою Поэзію,

потому что Поэзія прирождена народу; народъ, какого бы онъ племени ни былъ, вовсе безъ Поэзіи быть не можешь. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтичный народъ — несбыточное дѣло: это не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. Отсюда у каждаго народа есть ему одному только свойственная Поэзія, какъ плодъ внутренняго его творчества, его поэтической способности. Эта его Поэзія, потому самому что составляетъ произведеніе его, непременно и прежде всего должна быть отраженіемъ его жизненнаго бытія, отражениемъ всѣхъ его сопряженій, являясь въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ, — следовательно безпристрастно отражаетъ внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною, своевременною. Будучи народной, она не перескакиваетъ быть изящной; изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково. Истинно изящное доступно и понятно всѣмъ въкамъ и народамъ, и можетъ быть оценено всѣми по своему достоинству. Всѣ народы согласно признають одинъ и тотъ же предметъ прекраснымъ, изящнымъ, потому что въ духѣ нашемъ существуетъ первообразъ красоты, что идея изящнаго — неотъемлемая принадлежность всего человѣчества: оно равное производитъ впечатлѣніе и на грубыхъ, дикихъ народовъ, и на самыхъ просвѣщенныхъ. Только форма проявленія изящнаго до безконечности разнообразна: нисколько не измѣняя сущности его, народъ одѣваетъ прекрасное согласно своимъ понятіямъ о

немъ, согласно степени своего эстетического образования. Въ такомъ или другомъ взглядѣ народа на изящное, въ той или иной формѣ облеченія, осуществленія, именно—то и заключается оригинальность творчества, самостоятельность всякаго искусства, слѣдов. и Поэзіи, какъ единственнаго словеснаго искусства. Опшого Поэзія необходимо должна имѣть на себѣ печать того народа, коему принадлежитъ, печать яркую, неизгладимую; опшого то только поэтическія произведенія истинно изящны, кои, будучи свободнымъ плодомъ творчества человеческого духа, со всѣхъ сторонъ выражая идею изящнаго, опшны въ томъ самообытный, свойственный тому народу, къ которому относятся, отражающъ въ себѣ, какъ въ кристалловидной поверхности водъ, народъ со всѣми его свойствами, похвальными качествами и недосадками, представляющъ собой полную картину, вѣрнѣйшій оппечатокъ, самый правдивый образъ его жизни, его судьбы въ данную эпоху бытія его. Такая Поэзія будетъ въ высочайшей степени изящною, оригинальною, своенородною, Поэзіей жизни; ей будутъ сочувствовать, ее поймутъ и оцѣнятъ не отдѣльные любители, не одни только записные знамоки изящнаго, но цѣлая нація, цѣлый народъ, все человечество. Вопрь ея слушатели, послѣдователи, цѣнили, судьи и вѣчные защитники! Напроривъ, удаляясь отъ этого, столько естественнаго и единственно прямого, пуши, Поэзія перестаетъ быть истинной Поэзіей, безопчешнымъ, свободнымъ созданіемъ творящаго духа, внутреннимъ своенороднымъ вдохновеніемъ, живымъ голосомъ из-

вѣснаго вѣка, извѣснаго неба, извѣснаго народа, но сколкомъ другой Поэзіи, намѣреннымъ подражаніемъ какому-нибудь чужому произведенію, рабской капировкой, ребяческимъ передразниваніемъ. Какъ бы почно ни было подражаніе, Поэзіи ли другаго народа, природѣ ли, или чему иному, все оно подражаніе, ни болѣе, ни менѣе: эшо слѣпки безъ жизни и души, простое эхо. Допустивъ, даже, возможность поровняшьяся съ какимъ-либо предметомъ, эшо не значишь сдѣлашьяся шѣмъ же самымъ предметомъ, но только вознесшися до одинакой вышины, и все же оспашьяся спискомъ, а списокъ — не подлинникъ: здѣсь борьба пигмея съ исполиномъ! Безспорно, и въ подражательныхъ произведеніяхъ могутъ бытъ, и есть, великія частныя красоты, достоинства первоспеченныя; и на нихъ можетъ лежать печать вѣка, болѣе или менѣе замѣтная печать народа, и ш. д., пошому чшо поэтъ всегда связанъ съ своимъ міромъ, землей, эпохой; но эшо красоты—прививныя, не вяжущіяся съ цѣлымъ; эшо оранжерейныя цвѣты, выращенныя въ теплицахъ, а не подъ опкрытымъ небомъ, вскормленныя искусственною теплотою, а не сокомъ родной почвы, возбуждають минушное, преходящее, смѣшанное всегда съ невольной жалоспью, удовольствіе; эши оппечашки вѣка, народа и страны—родимая пашна, и шуть только чшо увеличивають безобразіе, выказывая всю нееспешвенность положенія, въ кошоромъ поставлено цѣлое. Не бытъ Сѣверу Югомъ, не роспи пальмовымъ лѣсамъ на нашихъ поляхъ, не дважды молодѣшь: шакъ почно одной и той же Поэзіи разъ суждено совершить свое.

поприще; прошла пора — ее уже не воскресить. Она была вполнѣ шѣмъ, чѣмъ ей быть должно, была собой въ свое время, въ своемъ мѣстѣ, у своего народа; для другихъ — она имѣетъ только докуменшальное, историческое достоинство: по ней можемъ судить о степени жизни этого народа и пр., ш. п., можемъ, и должны, изучать ее, не для того, чшобы опсрекашья опѣ своей Поэзіи, намъ прирожденной, располагать ее по ней. Позволишельно восхищашья и спарашья свою доведши до равной степени совершенства и, если можно, пойши далѣе; но идиши своей дорогой, указанной намъ Промысломъ, и быть собой, а не Греками, Римлянами, Индійцами, и ш. д. Тѣ были, чѣмъ имъ быть суждено, были и прошли; не всѣмъ быть однимъ и шѣмъ же; теперъ наступило наше время, и намъ должно быть нами, а не кѣмъ другимъ. Къ совершенству ведутъ не одна дорога; каждому опредѣлено достигать его своимъ путемъ, если шолько захочетъ достигать его, быть своеобразно совершеннымъ, равнымъ прочимъ. Такъ шочно и въ области Поэзіи. Всякая Поэзія должна быть собой, спремишья своей дорогой къ полному, гармоническому развишю себя, съ швердою надеждою достигнуть шакого же совершенства, какъ и другія ея сестры, изъ коихъ каждая сдѣлалась шѣмъ, чѣмъ есть, единшвенно спараясь быть собою; напрошивъ, сбиваясь съ этого пути, добровольно сама себя убивала, дѣлалась шпороспенною, хвостомъ блестящей кометы, не производила вѣчноюнаго дѣйшвія, не могла возбудить къ себѣ неспарѣющагося сочувствія. Но оставаясь вѣр-

ной себѣ, своей природѣ, Поэзія неминуемо, волею-неволею будетъ Поэзіей народа, зеркаломъ пушей его жизни, отраженіемъ идеи, проявляемой этой жизнью, составляющей собой душу народа. Кромѣ того, направленіе Поэзіи, ея характеръ, устанавливается жизнью народа, его возрастомъ: въ какомъ возрастѣ находится народъ, такова и Поэзія его, какъ отраженіе народа; въ ней разоблачается характеръ возрастной его жизни, преобладающій надъ всѣмъ и дающій собой направленіе всѣмъ часпямъ, составляющимъ цѣлое, наводящій на все одинакій цвѣтъ. Ясно, что Поэзія опредѣляется исторіей народа: зная ее, зная какой періодъ своего бытія совершаетъ народъ, напередъ можно отгадать, какой характеръ его Поэзіи, какой родъ ея преобладаетъ у него. И наоборотъ: случается, что народъ не всегда имѣетъ у себя лѣтописи своей жизни, или не всѣ, не вполне; въ такомъ положеніи Поэзія поясняетъ собой исторію, замѣняетъ ее. По ней пошчасъ можно открыть, какой путь прежде проходилъ народъ, что съ нимъ было, какъ онъ развивался и дошелъ до того состоянія, въ какомъ теперь находится. Конечно, путь не будетъ ни годовъ, ни чиселъ, ни именъ, и т. п. принадлежности лѣтописи, зато все это пополняетъ собой духъ времени, духъ прошлой жизни, потому что Поэзія есть самое вѣрнѣйшее и ни какому сомнѣнію не подлежащее свидѣтельство о жизни народа, картина его бытія, и т. д. Первые поэты, обыкновенно, большею частію, неизвѣстны, что очень естественно. Въ первомъ возрастѣ народа пѣвцы, подобно младенцу, не столько